ВРЕМЯ УДАРИТЬ В КОЛОКОЛ

Почему нет аншлагов в Пермском драматическом

Люди кинулись наперерез беде... На сцене все приметя готоващейся атаки. Тревожные вихри песчаной бури за палаткой, где профессор Борисенко склонился над пробирками, в которых зреет сила, способная спасти людей от черной болезни. Отправиться в путь немедленно мешает буря, а врач Юрий Бынов и научный сотрудник Зоя Обниняют профессора в труппе. Неприязнь к профессору растет... Потом сцены в Москве. Скужающая Аня, жена профессора, которого от нее отдала работа. Аня с тоски увлекается научным работником Виноградовым...

Смотря эту пьесу Ю. Семёнова — «Особо опасная инфекция», — поставленную Пермским драматическим театром, и говоришь себе: а ведь это ты уже где-то видел, знаешь. И про то, как ученый ввел себе вакцину, знаешь; и как едра не оступается скужающая жена; и как ученого не умеют понять, и как он страдает. И все ждешь: вот сейчас обанжится канальца новая грань человеческих взаимоотношений, характеров. Но грань не обанжится, и тебе в какой-то момент становится ясно: открытая не будет, нечего ждаться большого дыхания правды — драматургия пьесы бесконфликтна. Эту бесконфликтность не спасают никакие ухищрения автора. Ни пародийно написанные сцены, происходящие в Доме литераторов. Ни гарниз из современных острог и шуток, которые щедро выдает старик-сторож, выписанный автором «а ля-Шукер». Ни сентенции молодых людей о «свободной любви» и динизме. Но никакая острота приправ (да прости мне читатель столь бытовой пример!) не заменит собою несваренного обеда.

И, конечно, никто никого ни в чем не убедил в спектакле. Неубежденным уходит и зритель. Ему непонятно, что нашла в Виноградове (артист А. И. Соболев) Аня (народная артистка РСФСР Л. В. Мосолова); почему ее не может понять муж, профессор Борисенко (артист А. И. Корчагин); против кого и чего, в конечном счете, направлены гнев и неприязнь врача Бынова (артист Б. А. Розанцев). Непонятна и наивность Ани, раскувавшей пошлость Виноградова только через пошленького же критика Потапчука (заслуженный артист Казахской ССР А. Ф. Чепурнов), расхваливающего парижскую жизнь, криветики и женщины. Усложненность отношений героев лишь обозначена в отдельных сценах, но не мотивирована.

Артисты стараются создать правдивые и глубокие образы. Их усилия и мастерство (особенно выделяются игроки Л. В. Мосолова, Б. А. Розанцев, Г. Д. Просвянина, исполняющий роль шофера) достойны уважения и похвалы, но несостоятельность драматургического материала приводит к пустой трате сил. И ничего, кроме растерянной или сочувственной улыбки, не может вызвать финал спектакля, когда представитель министерства награждает людей, а зритель так и не знает — за что.

Опускается занавес, и думаешь: зачем поставлена эта пьеса? И

тот же вопрос задаешь себе еще раз, когда узнаешь, что спектакль отменен, потому что... не проданы билеты.

Безусловно, искусство — тонкая область, и неудачи здесь не предугадаешь. Но будь это всего лишь неудача одного спектакля, не стоило, быть может, много о ней говорить. Увы, речь не о частности, не о случайном промахе.

В нынешнем сезоне похожая судьба постигла и другие работы театра — его премьеры. Не стало в афишах «Золотого мальчика» Одета, не появляется в них больше «Отец» Кюорре, не приняли зрители и «Затейника» Розова, спектакль, о котором уже писала газета. Четыре премьеры за сезон на холостом ходу — не много ли? А ведь во все вложен огромный труд немеленького коллектива. Разве не тревожно? И тревога особенно остра потому, что это не начало неудач, а продолжение их.

Не будем отыскивать на творческом пути театра точную веку, за которой начались беды, не в ней дело. Отметим другую — веку, с которой предполагалось наступление более радостных дней. Такой вехой, заявляю на поворот в творческих исканиях предполагались «Камешки на ладони» А. Салынского, спектакль, поставленный пришедшим в театр новым главным режиссером Б. И. Малкиным. Были надежды, были предсказания поворота в судьбе театра. А спектакль погас, сошел с театральных афиш... И по той же причине театр этой работой не сказал того слова, которого ожидал зритель. Масштабный замах (при отдельных удачах постановок) обернулся нерешительностью решения, принципиальными режиссерскими просчетами. Все это могло, однако, стать частью, если бы вместе с коллективом определить направление дальнейшей творческой услия, и дело, вероятно, пошло бы иначе. Но промахи не оценены, и после «Камешков на ладони» в репертуаре один за другим появляются спектакли-однодневки, умирающие вскоре после премьеры.

Тут бы и ударить в колокол, собраться миром, посперить, разобратся в беде и выбрать репертурную линию, которой держаться впредь. Но такой попытки не делается. Художественный совет обсуждает пьесы. Мнения расходятся, однако творческие разногласия не оборачиваются принципиальным спором, вместо принципиального решения наступает компромисс. Такому компромиссу обязана появлением на сцене и «Особо опасная инфекция». Достаточно было «загореться» режиссеру В. Г. Шатилову, а художественному руководителю театра Б. И. Малкину, которого, видно, ничему не научил печальный опыт «Камешков на ладони», «поддерживать огонь», как несмотря на серь-

езные возражения многих членов худсовета, директор театра М. Л. Лейн подписал приказ и... «Особо опасная...» получила путевку на сцену.

Что оставалось делать коллективу театра в такой обстановке? Единственное. По законам театральной жизни, если подписано распределение ролей, то обсуждение закрыто, и надо просто делать спектакль. И его делали. Делали, хотя с первых же репетиций стало ясно, что взяли опять не то, на что стоило бы тратить силы. И неудивительно, что иные махнули рукой: пускай-де ставят!

Кому не ясно, как опасен такой, даже первый, ледок равнодушия к судьбе своего же творчества — пойдет влгуде, остудит... А растопить его может одно: ощущение реальных перспектив своего театра, ощущение результатов собственного труда. И к части многих актеров, опытных, уважаемых в коллективе людей, с которыми я говорил, они, несмотря на всю сложность обстановки в театре, верят в перспективы. Но вере этой надо помочь. Ведь и в прошлые годы не обходилось без срывов и промахов, однако творческая радость была куда более частой гостьей в зрительном зале. Здесь помнят классику на своей сцене — Шоу, Шекспира, Чехова, Горького; помнят спектакли Погодина, Вишневского, Корнейчука; помнят пьесы о современнике. Конечно, время идет вперед, и о современнике надо говорить глубже и ярче, значит, надо искать, а поиск всегда означает и тщательный отбор, и кропотливый труд над решением, и собственный опыт. Поэтому особенно удивило актеров заявление нового главного режиссера: «Забудьте все, что было до сих пор! Вы разучились! Вы все переабыли! Я пведу вас вот куда...»

И все же, несмотря на столь вызывающую нескромность, такое перечеркивание творческого пути театра, его опыта и традиций, актеры верили своему художественному руководителю. Они прощали Б. И. Малкину грубость, прощали «ломане стульев». Думали: есть у человека талант, свое видение, чутье к неправде на сцене, стало быть, придет и успех. И, прощая, трудились, вкладывая в работу все. Часто — вступую.

Об этом недавно говорили и сами зрители с трибуны городской конференции. Тревога за свой театр звучала во многих выступлениях, они единодушно отметили случайность и нечеткость репертуара.

Безусловно, пути искусства — это путь поиска. Здесь не разлози по полкам на манер стандартных гаек — что от чего. И все-таки уже в самом коллективе сегодня вполне отдают себе отчет, что одна из главных причин сложной обстановки в театре — отсутствие четкой репертурной линии. И виноват в этом, без

сомнения, не один главный режиссер. Здесь немалая доля вины и общественности театра — его партийной организации, его творческого ядра — художественного совета, профсоюзной организации. Им очень не хватает принципиальности в решении насущных вопросов. Однако дело сейчас не в том, чтобы распределить меру ответственности за все промахи. Речь должна идти о серьезной и безотлагательной помощи.

Такая помощь должна прийти прежде всего от областного управления культуры. И начальник его Ю. В. Ушаков, и его заместитель Н. А. Митрополов прекрасно знают и нужды и беды театра. Знают, что не хватает режиссерских кадров, знают о творческих разногласиях среди руководителей, неясности в репертурае будущего сезона: ведь о нем еще никто и не думал. Здесь удивляются по поводу «Особо опасной инфекции», других пьес: не понимаем, дескать, зачем поставили! Здесь раздаются высокие правильные фразы о гражданственности позиций, об идейной направленности спектаклей. Но здесь, как видно, почему-то не очень обеспокоены тем, что театр уже который год не выезжает на гастроли, что порой по два дня кряду отменяются спектакли из-за того, что не идет зритель...

С огромным подъемом готовятся работники искусства страны встретить великие даты — 50-летие Советской власти и 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. И надо просто по-человечески понять, какую глубокую тревогу переживает коллектив Пермского драматического театра за то, с чем же он сам придет к знаменательным дням. Эту тревогу должны разделить с ним все, кому доверена забота о таком сильном оружии партии, как искусство. Задуматься: что скажет театр зрителю о великих традициях революции, воспитывающих уже не одно поколение советских людей; как силою правды искусства создаст образ нашего современника; как прозвучит его голос в дни всенародного торжества, одно осмысление которого вызывает волнение, радость, восторг.

На все это надо ответить. Ответить делами и заботой. Перь — город больших культурных богатств и традиций. Здесь некогда одним из первых в стране был создан театр рабочей молодежи (СТРАМ). Здесь работает один из старейших в России оперных театров, действует филармония. Здесь родились за годы семилетки два новых театра — народного и юного зрителя. И Пермский областной театр драмы должен быть достоин своего города, своего зрителя — зыскательного, умеющего ценить и понимать искусство — славного труженика, чьиими делами живет и гордится трудовой Урал.

А. ЧЕРКАСОВ.

ЗВЕЗДА

5 июня 1966 г. 3 стр.

ЗВЕЗДА